

АННА ПРИХОДЬКО

Кромка льда

Том первый

МОСКВА 2023
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Дизайн обложки *Анна Чернышева*
Иллюстрация на обложке *Екатерина Лысаковская*

Приходько, Анна Юрьевна

П77 Кромка льда. Том первый/ Приходько Анна. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Романы рунета).

ISBN 978-5-17-165460-3

Весна. 1935 год. Страна переживает не лучшие времена, старые устои общества разрушены, а новые еще не укоренились – социальная справедливость и равенство.

В это беспокойное время девятилетняя Тамара ведет дневник. В нем она рассказывает о секретах своей семьи и обо всем, что происходит в доме. Но вот однажды он пропадает. Вся семья находится в опасности, ведь если дневник попадет в чужие руки, им будет грозить заключение и смерть. Девочка понимает, что помочь ей может только отец, и она отправляется на его поиски...

Перед вами история, где обстоятельства, не только перевернули судьбу ребенка, но и стали началом долгой, полной испытаний жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165460-3

© А. Приходько, текст, 2024
© Издательство АСТ, 2024

О тайном догадывайся по явному.

СОЛОН
древнегреческий поэт, политик

Глава 1

«Меня зовут Тамара. Мне 9 лет.

У меня есть бабушка Марфа. Она очень добрая, но всегда плачет из-за тяжёлой жизни.

Сегодня, 30 апреля 1935 года, мы посадили картошку. Бабушка Марфа картошку не помогает сажать.

— Уж этого, — говорит она, — позвольте мне не делать.

Папа ей позволяет, но ворчит:

— Мама Марфа, нет больше у вас слуг. Забудьте уже о них.

Бабушка грозит ему своим длинным пальцем, а потом обиженно надувает губы.

Ещё у меня есть брат Сенька. Он очень маленький и кривоногий. Мальчишки на улице между его ног гоняют мяч и смеются.

Сенька не обижается. Он не понимает, что над ним измываются. Я мальчишкам тем уже говори-

ла, чтобы брата не трогали. А папа меня отругал за это. Мол, Сенька должен сам за себя заступаться. А Сенька только смеётся и за мячиком бегает.

Бабушка не разрешает мне гулять. Говорит, что я так могу запятнать своё происхождение. Она учит меня вышивать и пользоваться приборами, которые успела спрятать за пазуху, когда ночью нас выгнали из родного дома.

Я это знаю только по рассказам мамы. Кушает бабушка в одиночестве. Всё ест одной серебряной ложкой. Она закрывает дверь на ключ, меня или маму выгоняет, чтобы сторожили. А вдруг кто-то придёт и заметит серебро. Тогда нам всем несдобровать.

А все остальные приборы она прячет в погребе и вытаскивает их оттуда, когда в последний четверг месяца делает уборку в доме. После она накрывает на стол, занавешивает окна и приглашает всю семью.

Мама приборами пользуется умело. Я только учусь. А папа не хочет учиться. Он ест большой железной ложкой и некрасиво хлюпает ртом. Бабушка раньше ругала его. Теперь просто закатывает глаза и продолжает меня учить.

Мой папа — ПРОЛЕТАРИАТ. Так его называет бабушка. Она всегда над ним насмехается. А ещё говорит, что моя мама глупа, как коза, раз вышла замуж за папу.

А коза у нас есть, но она очень умная. Отзывается на свою кличку, сама уходит на пастбище и воз-

вращается домой. Поэтому считаю бабушкины обвинения несправедливыми.

Один раз в месяц мы с бабушкой ходим на речку. Бабушка полощет в ней свои простыни. Раньше она делала это для всей семьи. Но руки стали слабеть, поэтому она только со своими ходит, а остальное мама стирает в бочке, что стоит рядом с крыльцом.

В школу я не хожу. А моя подруга Варя говорит, что там жуть как интересно. Но ни папа, ни мама мне туда не разрешают. Я вырасту и сама пойду в школу. И пусть я буду старше всех. Меня это не пугает».

Высокий черноволосый мужчина закончил читать. Бросил дневник на стол.

— Что ты будешь с ними делать, Пётр Александрович? Это же статья... Серебро... Ненависть к власти и её устоям. «Пролетариат» этот тоже замечен в нехороших делах. Слышал я, как он с кем-то шептался о тюке сена, что лежит сейчас на дальнем поле. Я ведь его специально оставил на живца. Вот приносят мне отовсюду сплетни. Кто украдёт первым, я не знаю. Но премия нас ждёт большая. Ох какая большая...

Пётр Александрович взял со стола дневник Тамары, полистал его, промолвил:

— Целый роман написала девчонка! Ну даёт... А чего ты ещё не почитал?

— А зачем? Факт преступления есть. Можно хоть сейчас идти и изымать серебро. Бабку в тюрьму, остальных на поселение в разные места. Дев-

чонку и пацана в городской детский дом. А остальное пусть изучают следователи. Это их работа.

Пётр Александрович встал, подошёл к говорившему, положил руку на его плечо, похлопал и произнёс:

— Ген... Давай забудем о дневнике... Давай он сгорит к чертям...

— Хех, — высокий мужчина усмехнулся.

— Ну ты же знаешь, как я Настю... — Пётр Александрович закашлялся.

— Знаю, вот поэтому пришёл сначала к тебе. Но, прости, брат, поступить иначе не могу. С меня три шкуры сдерут. Что тебе эта Настя? Вон доярка Зинка с тебя глаз не сводит. А у Настасьи и муж, и дочь, и сын, и мать, ненавидящая нашу власть.

— Ген... Давай забудем, прошу тебя.

— Да чёрт с тобой, забывай! Давай хотя бы козу изыдем, чтобы отстали от нас. План мы не выполняем, Петя!

— Не надо и козу. Давай я свою отдам. Забирай у меня всё, а её семью оставь.

Геннадий Ефимович намотал на палец свой длинный ус, задумчиво посмотрел на Петра Александровича и произнёс:

— И что, ты теперь всю жизнь в её сторону смотреть будешь и молчать? Тебе же это на руку: мать в тюрьму, мужа на поселение, а Настасью в город и под себя. Думаешь, она не согласится?

— Ты с ума сошёл? Как под себя? Она что, вещь какая-то? Она любить меня должна, ценить,

ждать. А сейчас она чужая. Но есть надежда, что заметит меня.

— Надежда только на этот дневник! — Геннадий Ефимович повысил голос. — Ей-богу, молодисься тут, чай, не шестнадцать лет. Тридцать с хвостиком, а ты всё одинок. Бабы ему не те! Не буду я их защищать, пиши протокол, пойдём вдвоём к ним!

Пётр Александрович подошёл к столу, вытащил револьвер и нацелился на Геннадия.

Тот поднял руки, попятился к двери и стал бормотать:

— Да ладно тебе, ладно, нет дневника и не было. И серебра у них нет. Буду я ещё из-за какой-то бабы друга сердечного терять. Это я так, нервишки пощекотать. Больно скучно живём.

Но Пётр револьвер не убирал.

— Петя, угомонись! Выдыхай, родной! Дай мне уйти, забирай дневник. Всё, я могила! Никому не скажу.

Пётр опустил руку с оружием, спрятал его обратно в стол, вытер испарину со лба.

Геннадий Ефимович осмелел, подошёл к нему и сказал обиженно:

— Убить, значит, хотел... За бабу... За чужую бабёнку, у которой ни кожи, ни рожи. Она же страшная, как вся моя жизнь.

— А ты не завидууй и не неси на неё напраслину. Знаешь же, что Настя красивая. У меня от неё кровь в жилах стынет. Речь теряю при виде её.

И если бы она просто проходила мимо! Я чувствую и её тягу ко мне.

— Да когда ей к тебе тянуться? Она на работе целыми днями.

Пётр Александрович вздохнул.

— Ты ничего не понимаешь, Гена... Ничего...

* * *

— Тамара! Сколько тебя ждать? — недовольно кричала пожилая женщина, стоя с охапкой белья под мышкой.

На крыльце возилась с обувью девочка.

— Бабуль, я уже иду, с завязками запуталась.

— Запуталась она! Поторапливайся.

Девочка подошла к бабушке и сказала:

— Простите меня, Марфа Игнатьевна, я совсем забыла о времени.

Тамара всегда обращалась к бабушке официально, когда в чём-то провинилась.

— То-то же, Тамара! Учись быть главнее своих действий. Думай наперёд, чтобы не оказаться лицом в грязи. И никогда не сутулься, ты же девочка!

Путь до речки был долгим. Минут тридцать неспешным шагом.

Тамара и Марфа Игнатьевна ходили не той тропой, которая была ближе, а той, что дальше.

Бабушка ненавидела односельчан. И если на дальней тропе случайно встречалась с кем-то, пренебрежительно отводила голову, а потом говорила Тамаре:

— Ужасный человек! Посмотри на его руки! Они же отвратительно выглядят! Тамара, никогда не выходи замуж за того, у кого ногти не подстрижены аккуратно. Это же так грязно, так отвратительно. Тамара! Никогда не выходи за такого.

Тамара о замужестве не думала. Она рассматривала придорожные цветы, бегала за бабочками, пыталась поймать стрекоз и постоянно слышала:

— Тамара, не лезь в траву! Тамара, не трогай бабочек, их пыльца может повредить кожу! Тамара, там лужа! Тамара!

И так было всегда.

Речка Сухоньякая медленно несла свои воды. На ней редко было беспокойно. Обычно волновалась она по осени, когда начинались ветра и дожди. Река бушевала недели две, а потом лёд сковывал её и останавливал.

— И я как эта река, — каждый раз говорила Марфа Игнатьевна. — Вроде и двигаюсь, но лёд меня не пускает. Вот так, Тамара! Сложно, очень сложно из свободного человека стать несвободным.

— Что ты, бабушка? Отчего же несвободна? Ходишь к реке, ни у кого не спрашиваешься. Это вот мне приходится всё у вас спрашивать.

— Ты ещё мала! Я говорю не о физической свободе, а о духовной!

Бабушка махнула рукой.

— Давай стирать, поздно уже. Затемно возвращаться будем, а всё из-за твоих завязок...

Тамара обиженно поджала губы и подумала: «Ага, из-за завязок, как же!»

Пока бабушка замачивала в реке бельё, Тамара вспоминала подслушанный утренний разговор.

— Наська, коза ты драная, — ворчала Марфа Игнатьевна, — когда ж ты за голову возьмёшься свою?

— Мама, уймись! Ради Христа! Сколько можно?! — Настасья топнула ногой.

— А сколько можно? Кого ты родила от этого пролетариата? Ладно, Томка ещё мозговитая девчонка, а на Сеньку взглянешь, так стыдно становится.

— Не смейте, мама, сына моего обзывать! В нём течёт ваша кровь!

— Моя кровь течёт только во мне! Но к твоим детям это не относится. Не мешай его кровь с моей, опомнись!

— Я уже столько лет с ним живу, неужели нельзя свыкнуться?

— Да ты хоть сто проживёшь с ним — не прими никогда, не прощу, что ослушалась меня!

Настя быстро натянула на себя рабочий халат, потом сняла, свернула его и положила в сумку.

— Я в ночь, покормишь моих, — грубо сказала она матери.

— Ещё чего, сами возьмут. Я стирать пойду с Томкой. Ты ничему не научилась, достойна своего пролетариата.

— Хватит! — Настя подскочила к матери, посмотрела на неё сверху вниз.

У Марфы Игнатьевны глаза засверкали, она оттолкнула от себя дочь.

— Не смей на мать кричать! Если б не я, то вы уже давно бы на поселении брюхи надрывали.

— Как же, если б не вы! — Голос Насти дрожал. — Позабыли вы, маменька, о своих приключениях. Что вы там о крови моих детей говорили? Напомните-ка!

— Ш-ш-ш... — Марфа Игнатьевна зашипела, завертела головой. — Не смей! Нашла что вспомнить!

— Да вы не забывайте, и всё у нас будет хорошо! До завтра, матушка!

Настя хлопнула дверью изо всех сил.

— Коза... — прошептала ей вслед Марфа Игнатьевна.

Тамара тяжело вздохнула.

Вспомнила ещё об одном утреннем приключении. Неожиданно и неизвестно куда пропал её дневник. Всё обыскала Тамара. И в стол отца заглянула, и в комод матери, и у бабушки поискала: как сквозь землю провалился.

А ведь только три дня назад лежал в столе под двумя толстыми книгами сказок. Прячала его Тамара от всех. Писала там всё, что думала и видела.

А тут захотелось быстро разговор матери и бабушки записать, а некуда.

Расстроилась Тамара сильно. Так задумалась, что не откликнулась на зов бабушки.

Уже когда та стояла рядом и норвила схватить внучку за ухо, услышала:

— Горе с тобой одно! Ты оглохла, поди?

— Нет, — помотала головой Тамара. — Не оглохла, задумалась я.

— Задумалась она! Иди полощи, а я выжимать буду.

Тамара стирать в реке не любила, она вообще не любила стирать.

Руки после воды опухали, покрывались волдырями. То же происходило и с телом, когда купалась в реке.

Мать Тамару берегла, к реке не пускала, для купания носила воду из колодца.

А бабушка говорила:

— Это всё от лени ейной! Пусть стирает, привыкнет, и всё пройдёт.

Не проходило. Три дня после стирки в реке Тамара не могла ничего брать в руки, волдыри лопались и доставляли страдания.

Но никому до этого не было дела.

Только Настя жалела дочь, мазала раны дёгтем и кормила с ложечки. Ровно через три дня от волдырей не оставалось и следа.

— Бабуль, а расскажи мне о дедушке, — стараюсь держать мокрую простыню двумя пальчиками, попросила Тамара.

— Нашла что спросить, — пробормотала Марфа Игнатьевна. — Чего это тебе надобно вдруг стало о нём услышать?

Тамара пожала плечами:

— Так... Просто интересно. У Вари дедушка есть, у других детей тоже, а я о своём и не знаю ничего.

— Лучше и не знать! От любопытства нос вырастет, никто тебя замуж не возьмёт с длинным носом.

— Не вырастет, — обиженно произнесла Тамара, — не бывает так!

— Ещё как бывает! — Марфа Игнатьевна выпрямилась, бросила только что выжатую почти насухо простыню в воду, чем невероятно опечалила девочку. — Давай полощи, любопытная!

— Ой, рыбка, — воскликнула Тамара.

— Рыбка, рыбка... — Марфа Игнатьевна стала всматриваться в речную гладь. — Нет в этой реке рыбы. А раньше была, много было рыбы. По эту сторону реки и по ту стояли рыбацкие домики.

У реки была хозяйка Анна Гавриловна. Весь улов забирала, продавала и копейки платила рыбакам.

А бывало и не платила, если на левом берегу поймали больше, чем на правом. Рыбаки друг у друга рыбу воровали. И до убийства доходило.

Анна Гавриловна деньги гребла, а отношения рыбаков её не волновали.

Когда богатеи всякие приезжали побаловаться удочкой, рыбакам ловить запрещалось.

И вот однажды к Анне Гавриловне приехал один богач с женой и дочкой. И жена, и дочка — красавицы неземные.

Богач этот устроил завтрак прямо на берегу. На белом покрывале разложил еды всякой. Анну Гавриловну пригласил.

Сидит её муж на покрывале, а Анна Гавриловна голову ему на колени положила, косу свою тугую расплела, распластались волосы по его ногам.

А дочь богача смотрела и завидовала. Мечтала, что будет у неё жених вот такой красоты, как муж хозяйки реки, и она вот так же волосы распустит.

Пока родители ели, пили, пели, ловили рыбу, дочка богача собирала блестящие раковины перловицы*.

Да так увлеклась, что к лесочку подошла. А там вдруг тень мелькнула. Девчушка любопытная была, не хуже тебя, за тенью метнулась.

Тень оказалась пареньком. Когда тот оглянулся, девица обомлела. Такой красоты она ещё не встречала.

Его смуглое лицо было словно высечено из камня самым талантливым скульптором. Скулы, нос, разрез глаз — всё было настолько гармоничным, что не верилось в существование этого создания.

Но он стоял рядом и наблюдал за незнакомкой.

В его глазах был страх. Он приложил палец к своим губам, давая понять, чтобы девушка не закричала.

А она и не собиралась кричать. Потеряла дар речи.

Незнакомец вдруг подошёл близко, поводит рукой перед её лицом и улыбнулся.

Девушка не шевелилась.

* Перловица — речная ракушка.

— Смешная ты, — прошептал юноша. — Иди поскорее отсюда. Меня заметят, а я жить хочу.

Девушка испуганно оглянулась.

Там за деревьями родителям явно было не до неё.

Они что-то шумно обсуждали, смеялись. Был слышен плеск воды.

— Я Исур, — тихо сказал паренёк. — А тебя как зовут?

— Не скажу, — ответила девушка.

— Давай я буду называть тебя Луной?

— Почему Луной? — девушка засмеялась, но тотчас прикрыла рукой рот.

— Ну ты же не говоришь своё имя.

— Ну хорошо, я Луна! А теперь прощайте, Исур! Мне пора.

Так закончилась их встреча.

Дочь вернулась к родителям. Маменька поинтересовалась её состоянием и сказала, что уже скоро будут собираться домой.

Дома девица не могла найти себе места. Всё мерещился ей тот красивый парень из лесочка.

Она невзначай спросила у отца через месяц:

— Папенька, а помните, как мы хорошо отдыхали у Анны Гавриловны? Может быть, повторим? Мне это место так легло на сердце, с такой теплотой его вспоминаю, что хочется вернуться.

— А почему бы и нет! — воскликнул богач. — На Ильин день собирайтесь, передай матушке.

Но впечатления были уже другими. Река зазеленела, от неё неприятно несло тиной и тухлой рыбой.